

Петр I

Энциклопедическая справка

Пётр I Алексеевич Великий - первый император всероссийский, родился 30 мая 1672 года, от второго брака царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, воспитанницей боярина А. С. Матвеева. Вопреки легендарным рассказам Крекшина, обучение малолетнего Петра шло довольно медленно. Предание заставляет трехлетнего ребёнка рапортовать отцу, в чине полковника; в действительности, двух с половиной лет он ещё не был отнят от груди. Мы не знаем, когда началось обучение его грамоте Н. М. Зотовым, но известно, что в 1683 г. Пётр ещё не кончил учиться азбуке. До конца жизни он продолжал игнорировать грамматику и орфографию. В детстве он знакомится с «экзерцициями солдатского строя» и перенимает искусство бить в барабан; этим и ограничиваются его военные познания до военных упражнений в с. Воробьёве (1683). Осенью этого года Пётр ещё играет в деревянных коней. Все это не выходило из шаблона тогдашних обычных «потех» царской семьи. Отклонения начинаются лишь тогда, когда политические обстоятельства выбрасывают Петра из колеи. Со смертью царя Федора Алексеевича глухая борьба Милославских и Нарышкиных

переходит в открытое столкновение. 27 апреля толпа, собравшаяся перед красным крыльцом Кремлёвского дворца, выкрикнула царём Петра, обойдя его старшего брата Иоанна; 15 мая на том же крыльце Пётр стоял перед другой толпой, сбросившей Матвеева и Долгорукого на стрелецкие копья. Легенда изображает Петра спокойным в этот день бунта; вероятнее, что впечатление было сильное и что отсюда ведут начало и известная нервность Петра, и его ненависть к стрельцам.

Через неделю после начала бунта (23 мая) победители потребовали от правительства, чтобы царями были назначены оба брата; ещё неделю спустя (29-го), по новому требованию стрельцов, за молодостью царей правление вручено было царевне Софье. Партия Петра отстранена была от всякого участия в государственных делах. Наталья Кирилловна во всё время регентства Софьи приезжала в Москву лишь на несколько зимних месяцев, проводя остальное время в подмосковном селе Преображенском. Около молодого двора группировалась значительная часть знатных фамилий, не решавшихся связать свою судьбу с временным правительством Софьи. Предоставленный самому себе, Пётр

отучился переносить какие-либо стеснения, отказывать себе в исполнении какого бы то ни было желания. Царица Наталья, женщина «ума малого», по выражению её родственника князя Куракина, заботилась, по-видимому, исключительно о физической стороне воспитания своего сына. С самого начала мы видим Петра окружённым

«молодыми ребятами народу простого» и «молодыми людьми первых домов»; первые в конце концов взяли верх, а «знатные персоны» были отдалены. Весьма вероятно, что и простые и знатные приятели детских игр Петра одинаково заслуживали кличку

«озорников», данную им Софьей.

В 1683-1685 гг. из приятелей и добровольцев организуются два полка, поселённые в сёлах Преображенском и соседнем Семеновском. Мало-помалу в Петре развивается интерес к технической стороне военного дела, заставивший его искать новых учителей и новых познаний. «Для математики, фортификации, токарного мастерства и огней артифициальных» является при Петре учитель-иностранец, Франц Тиммерман. Сохранившиеся (от 1688 г.?) учебные тетради Петра свидетельствуют о настойчивых его усилиях усвоить прикладную сторону арифметической, астрономической и артиллерийской премудрости; те же тетради показывают, что основания всей этой премудрости так и остались для Петра тайной. Зато токарное искусство и пиротехника всегда были любимыми занятиями Петра.

Единственным крупным, и неудачным, вмешательством матери в личную жизнь юноши была женитьба его на Е. Ф. Лопухиной 27 января 1689 г., раньше достижения Петром семнадцати лет. Это была, впрочем, скорее политическая, чем педагогическая мера. Софья женила царя Иоанна тоже тотчас по достижении семнадцати лет; но у него рождались только дочери. Сам выбор невесты для Петра был продуктом партийной борьбы: знатные приверженцы его матери предлагали невесту княжеского рода, но победили Нарышкины, с Т. Стрешневым во главе, и выбрана была дочь мелкопоместного дворянина. Вслед за ней потянулись ко двору многочисленные родственники («более 30 персон», говорит Куракин). Такая масса новых искателей мест, не знавших притом

«обращения дворового», вызвала против Лопухиных общее раздражение при дворе; царица Наталья скоро «невестку свою возненавидела и желала больше видеть с мужем её в несогласии, нежели в любви» (Куракин).

Этим, так же как и несходством характеров, объясняется, что

«изрядная любовь» Петра к жене «продолжилась разве токмо год», а затем Пётр стал предпочитать семейной жизни - походную, в полковой избе Преображенского полка. Новое занятие - судостроение - отвлекло его ещё дальше; с Яузы он переселился со своими кораблями на Переяславское озеро и весело проводил там время даже зимой.

Участие Петра в государственных делах ограничивалось, во время регентства Софьи, присутствием при торжественных церемониях. По мере того как Пётр подрастал и расширял свои военные забавы, Софья начинала все более тревожиться за свою власть и стала принимать меры для её сохранения. В ночь на 8 августа 1689 г. Пётр был разбужен в Преображенском стрельцами, принёсшими весть о действительной или мнимой опасности со стороны Кремля. Пётр бежал к Троице; его приверженцы распорядились созвать дворянское ополчение, потребовали к себе начальников и депутатов от московских войск и учинили короткую расправу с главными приверженцами Софьи (кн. В. В. Голицын, Сильвестр, Шакловитый). Софья была поселена в монастырь, Иоанн правил лишь номинально; фактически власть перешла к партии Петра. На первых порах, однако, «царское величество оставил своё правление матери своей, а сам препровождал время своё в забавах экзерциций военных».

Правление царицы Натальи представлялось современникам эпохой реакции против реформационных стремлений Софьи. Пётр воспользовался переменой своего положения только для того, чтобы расширить до грандиозных размеров свои увеселения. Так, манёвры новых полков кончились в 1694 г. Кожуховскими походами, в которых «царь Федор Плешбурской» (Ромодановский) разбил «царя Ивана Семеновского» (Бутурлина), оставив на поле потешной битвы 24 настоящих убитых и 50 раненых.

Расширение морских забав побудило Петра дважды совершить путешествие на Белое море, причём он подвергался серьёзной опасности во время поездки на Соловецкие острова. За эти годы центром разгульной жизни Петра становится дом нового его любимца, Лефорта, в Немецкой слободе. «Тут началось дебошество, пьянство такое великое, что невозможно описать, что по три дни, запершись в том доме, бывали пьяны и что многим случалось оттого и умирать» (Куракин). В доме Лефорта Пётр

«начал с домами иноземскими обходиться и амур начал первый быть к одной дочери купеческой» (А. Монс). «С практики», на балах Лефорта, Пётр «научился танцевать по-польски»; сын датского комиссара Бутенант

учил его фехтованию и верховой езде, голландец Виниус - практике голландского языка; во время поездки в Архангельск Пётр переделался в матросский голландский костюм. Параллельно с этим усвоением европейской внешности шло быстрое разрушение старого придворного этикета; выходили из употребления торжественные выходы в соборную церковь, публичные аудиенции и другие «дворовые церемонии». «Ругательства знатым персонам» от царских любимцев и придворных шутов, так же как и учреждение «всешутейшего и всепьянейшего собора», берут своё начало в той же эпохе.

В 1694 г. умерла мать Петра. Хотя теперь Пётр «сам понужден был вступить в управление, однако ж труда того не хотел понести и оставил все своего государства правление - министрам своим» (Куракин). Ему было трудно отказаться от той свободы, к которой его приучили годы невольного удаления от дел; и впоследствии он не любил связывать себя официальными обязанностями, поручая их другим лицам (например,

«князю-кесарю» Ромодановскому, перед которым Пётр играет роль верноподданного), сам оставаясь на втором плане. Правительственная машина в первые годы собственного правления Петра продолжает идти своим ходом. Пётр вмешивается в этот ход лишь тогда и постольку, когда это оказывается необходимым для его военно-морских забав. Очень скоро, однако же, «младенческое играние» в солдаты и корабли приводит Петра к серьёзным затруднениям, для устранения которых оказывается необходимым существенно потревожить старый государственный порядок. «Шутили под Кожуховым, а теперь под Азов играть едем» - так сообщает Пётр Ф. М. Апраксину в начале 1695 г. об Азовском походе.

Уже в предыдущем году, познакомившись с неудобствами Белого моря, Пётр начал думать о перенесении своих морских занятий на какое-нибудь другое море. Он колебался между Балтийским и Каспийским; ход русской дипломатии побудил его предпочесть войну с Турцией и Крымом, и тайной целью похода назначен был Азов - первый шаг к выходу в Чёрное море. Шутливый тон скоро исчезает; письма Петра становятся лаконичнее, по мере того как обнаруживается неподготовленность войска и генералов к серьёзным действиям. Неудача первого похода заставляет Петра сделать новые усилия. Флотилия, построенная в Воронеже, оказывается, однако, малопригодной для военных действий; выписанные Петром иностранные инженеры опаздывают; Азов сдаётся в 1696 г. «на договор, а не военным промыслом». Пётр шумно празднует победу, но хорошо чувствует незначительность успеха и недостаточность сил для продолжения борьбы. Он предлагает боярам схватить «фортуну

за власы» и изыскать средства для постройки флота, чтобы продолжать войну с «неверными» на море. Бояре возложили постройку кораблей на «кумпанства» светских и духовных землевладельцев,

имевших не меньше ста дворов. Остальное население должно было помогать деньгами. Построенные «кумпанствами» корабли оказались позднее никуда не годными, и весь этот первый флот, стоивший населению около 900 тыс. тогдашних рублей, не мог быть употреблён ни для каких практических целей.

Одновременно с устройством «кумпанств» и ввиду той же цели, то есть войны с Турцией, решено было снарядить посольство за границу для закрепления союза против

«неверных». «Бомбардир» в начале Азовского похода и «капитан» в конце, Пётр теперь примыкает к посольству в качестве «волонтёра Петра Михайлова» с целью ближайшего изучения кораблестроения. 9 марта 1697 г. посольство двинулось из Москвы с намерением посетить Вену, королей английского и датского, папу, голландские штаты, курфюрста бранденбургского и Венецию. Первые заграничные впечатления Петра были, по его выражению, «малоприятны»: рижский комендант Дальберг слишком буквально понял инкогнито царя и не позволил ему осмотреть укрепления; позднее Пётр сделал из этого инцидента *casus belli*.

Пышная встреча в Митаве и дружественный приём курфюрста бранденбургского в Кенигсберге поправили дело. Из Кольберга Пётр поехал морем вперёд, на Любек и Гамбург, стремясь скорее достигнуть своей цели - второстепенной голландской верфи в Саардаме, рекомендованной ему одним из московских знакомцев. Здесь Пётр пробыл восемь дней, удивляя население маленького городка своим экстравагантным поведением. Посольство прибыло в Амстердам в середине августа и осталось там до середины мая 1698 г., хотя переговоры были кончены уже в ноябре 1697 г. В январе

1698 г. Пётр поехал в Англию для расширения своих морских познаний и оставался там три с половиной месяца, работая преимущественно на верфи в Дептфорде. Главная цель посольства не была достигнута, так как штаты решительно отказались помогать России в войне с Турцией; зато Пётр употребил время пребывания в Голландии и в Англии для приобретения новых знаний, а посольство занималось закупками оружия и всевозможных корабельных припасов, наймом моряков, ремесленников и т. п. На европейских наблюдателей Пётр произвёл впечатление любознательного дикаря, заинтересованного преимущественно

ремёслами, прикладными знаниями и всевозможными диковинками и недостаточно развитого, чтобы интересоваться существенными чертами европейской политической и культурной жизни. Его изображают человеком крайне вспыльчивым и нервным, быстро меняющим настроение и планы и не умеющим владеть собой в минуты гнева, особенно под влиянием вина. Обратный путь посольства лежал через Вену. Пётр испытал здесь новую дипломатическую неудачу, так как Европа готовилась к войне за испанское наследство и хлопотала о примирении Австрии с Турцией, а

не о войне между ними. Стеснённый в своих привычках строгим этикетом венского двора, не находя и новых приманок для любознательности, Пётр спешил покинуть Вену для Венеции, где надеялся изучить строение галер. Известие о стрелецком бунте вызвало его в Россию; по дороге он успел лишь повидаться с польским королём Августом, и здесь, среди трехдневного непрерывного веселья, мелькнула первая идея заменить неудавшийся план союза против турок другим планом, предметом которого, взамен ускользнувшего из рук Чёрного моря, было бы Балтийское.

Прежде всего предстояло покончить со стрельцами и со старым порядком вообще. Прямо с дороги, не повидавшись с семьёй, Пётр проехал к Анне Монс, потом на свой Преображенский двор. На следующее утро, 26 августа 1698 г., он собственноручно начал стричь бороды у первых сановников государства. Стрельцы были уже разбиты Шеиным под Воскресенским монастырём и зачинщики бунта наказаны. Пётр возобновил следствие о бунте, стараясь отыскать следы влияния на стрельцов царевны Софьи. Найдя доказательства скорее взаимных симпатий, чем определённых планов и действий, Пётр тем не менее заставил постричься Софью и её сестру Марфу. Этим же моментом Пётр воспользовался, чтобы насильственно постричь свою жену, не обвинявшуюся в прикосновенности к бунту. Брат царя Иоанн умер ещё в 1696 г.; никакие связи со старым не сдерживают больше Петра, и он предаётся со своими новыми любимцами, среди которых выдвигается на первое место Меншиков, какой-то непрерывной вакханалии, картину которой рисует Корб. Пирь и попойки сменяются казнями, в которых царь сам играет иногда роль палача. С конца сентября по конец октября

1698 г. было казнено более тысячи стрельцов. В феврале 1699 г. опять казнили стрельцов сотнями. Московское стрелецкое войско прекратило своё существование.

Указ от 20 декабря 1699 г. о новом летосчислении формально

провёл черту между старым и новым временем. 11 ноября 1699 г. был заключён между Петром и Августом тайный договор, которым Пётр обязывался вступить в Ингрию и Карелию тотчас по заключении мира с Турцией, не позже апреля 1700 г.; Лифляндию и Эстляндию, согласно плану Паткуля, Август предоставлял себе. Мир с Турцией удалось заключить лишь в августе. Этим промежутком времени Пётр воспользовался для создания новой армии, так как «по распущении стрельцов никакой пехоты сие государство не имело».

17 ноября 1699 г. был объявлен набор новых 27 полков, разделённых на 3 дивизии, во главе которых стали командиры полков Преображенского, Лефортовского и Бутырского. Первые две дивизии (Головина и Вейде) были вполне сформированы к середине июня

1700 г.; вместе с некоторыми другими войсками, всего до 49 тыс., они были двинуты в шведские пределы на другой день по обнародовании мира с Турцией (19 августа). К неудовольствию союзников, Пётр направил свои войска к Нарве, взяв которую он мог угрожать Лифляндии и Эстляндии. Только к концу сентября войска собрались у Нарвы; только в конце октября был открыт огонь по городу. Карл XII успел за это время покончить с Данией и неожиданно для Петра высадился в Эстляндии. Ночью с 17 на 18 ноября русские узнали, что Карл XII приближается к Нарве. Пётр уехал из лагеря, оставив командование принцу де Круа, незнакомому с солдатами и неизвестному им - и восьмидесятысячная армия Карла XII, усталая и голодная, разбила без всякого труда сорокатысячное войско Петра.

Надежды, возбуждённые в Петре путешествием по Европе, сменяются разочарованием. Карл XII не считает нужным преследовать далее такого слабого противника и обращается против Польши. Сам Пётр характеризует своё впечатление словами: «тогда неволя леность отогнала и ко трудолюбию и искусству день и ночь принудила». Действительно, с этого момента Пётр преображается. Потребность деятельности остаётся прежняя, но она находит себе иное, лучшее приложение; все помыслы Петра устремлены теперь на то, чтобы одолеть соперника и укрепиться на Балтийском море. За восемь лет он набирает около 200 тыс. солдат и, несмотря на потери от войны и от военных порядков, доводит численность армии с 40 до 100 тыс. Стоимость этой армии обходится ему в 1709 г. почти вдвое дороже, чем в 1701 г.: 1 810 000 руб. вместо 982 000. За первые шесть лет войны уплачено было сверх того субсидий королю польскому около полутора миллиона. Если прибавить сюда расходы на флот, на артиллерию, на содержание дипломатов, то общий расход, вызванный войной, окажется

2,3 млн. в 1701 г., 2,7 млн. в 1706 г. и 3,2 млн. в 1710 г. Уже первая из этих цифр была слишком велика в сравнении с теми средствами, которые до Петра доставлялись государству населением (около 1,5 млн.). Надо было искать дополнительных источников дохода. Первое время Пётр мало заботится об этом и просто берет для своих целей из старых государственных учреждений не только их свободные остатки, но даже и те их суммы, которые расходовались прежде на другое назначение; этим расстраивается правильный ход государственной машины. И всё-таки крупные статьи новых расходов не могли покрываться старыми средствами, и Пётр для каждой из них принуждён был создать особый государственный налог. Армия содержалась из главных доходов государства - таможенных и кабацких пошлин, сбор которых передан был в новое центральное учреждение - ратушу. Для содержания новой кавалерии, набранной в 1701 г., понадобилось назначить новый налог («драгунские деньги»); точно так же - и на поддержание флота («корабельные»). Потом сюда присоединяется налог на содержание рабочих для постройки Петербурга («рекрутные»,

«подводные»); а когда все эти налоги становятся уже привычными и сливаются в общую сумму постоянных («окладных»), к ним присоединяются новые экстренные сборы («запросные», «неокладные»). И этих прямых налогов, однако, скоро оказалось недостаточно, тем более что собирались они довольно медленно и значительная часть оставалась в недоимке. Рядом с ними придумывались поэтому другие источники дохода. Самая ранняя выдумка этого рода - введённая по совету Курбатова гербовая бумага - не дала ожидавшихся от неё барышей. Тем большее значение имела порча монеты. Перечеканка серебряной монеты в монету низшего достоинства, но прежней номинальной цены дала по 946 тыс. в первые три года (1701-1703), по 313 тыс. - в следующие три; отсюда были выплачены иностранные субсидии. Однако скоро весь металл был переделан в новую монету, а стоимость её в обращении упала наполовину; таким образом, польза от порчи монеты была временная и сопровождалась огромным вредом, роняя стоимость всех вообще поступлений казны (вместе с упадком стоимости монеты). Новой мерой для повышения казённых доходов была переобработка в 1704 г. старых

оброчных статей и отдача на оброк новых; все владельческие рыбные ловли, домашние бани, мельницы, постоянные дворы обложены были оброком, и общая цифра казённых поступлений по этой статье поднялась к 1708 г. с 300 до 670 тыс. ежегодно. Далее, казна взяла в свои руки продажу соли, принёсшую ей до 300 тыс. ежегодного дохода, табака (это

предприятие оказалось неудачным) и ряда других сырых продуктов, дававших до 100 тыс. ежегодно. Все эти частные мероприятия удовлетворяли главной задаче - пережить как-нибудь трудное время.

Систематической реформе государственных учреждений Пётр не мог в эти годы уделить ни минуты внимания, так как приготовление средств борьбы занимало все его время и требовало его присутствия во всех концах государства. В старую столицу Пётр стал приезжать только на святки; здесь возобновлялась обычная разгульная жизнь, но вместе с тем обсуждались и решались наиболее неотложные государственные дела. Полтавская победа дала Петру впервые после нарвского поражения возможность вздохнуть свободно. Необходимость разобраться в массе отдельных распоряжений первых годов войны становилась все настоятельнее; и платёжные средства населения, и ресурсы казны сильно оскудели, а впереди предвиделось дальнейшее увеличение военных расходов. Из этого положения Пётр нашёл привычный уже для него исход: если средств не хватало на все, они должны были быть употреблены на самое главное, то есть на военное дело. Следуя этому правилу, Пётр и раньше упрощал финансовое управление страной, передавая сборы с отдельных местностей прямо в руки генералов, на их расходы, и минуя центральные учреждения, куда деньги должны были

поступать по старому порядку. Всего удобнее было применить этот способ в новозавоеванной стране - в Ингерманландии, отданной в «губернацию» Меншикову. Тот же способ был распространён на Киев и Смоленск - для приведения их в оборонительное положение против нашествия Карла XII, на Казань - для усмирения волнений, на Воронеж и Азов - для постройки флота. Пётр только суммирует эти частичные распоряжения, когда приказывает (18 декабря 1707 г.) «росписать города частями, кроме тех, которые в

100 в. от Москвы, - к Киеву, Смоленску, Азову, Казани, Архангельскому».

После полтавской победы эта неясная мысль о новом административно-финансовом устройстве России получила дальнейшее развитие. Приписка городов к центральным пунктам для взимания с них всяких сборов предполагала предварительное выяснение, кто и что должен платить в каждом городе. Для приведения в известность плательщиков назначена была повсеместная перепись; для приведения в известность платежей велено было собрать сведения из прежних финансовых учреждений. Результаты этих предварительных работ обнаружили, что государство переживает серьёзный кризис. Перепись 1710 г. показала, что, вследствие непрерывных наборов и побегов от

податей, платежное население государства сильно уменьшилось: вместо 791 тыс. дворов, числившихся по переписи 1678 г., новая перепись насчитала только 637 тыс; на всем севере России, несшем до Петра главную часть финансовой тягости, убыль достигала даже 40 процентов. Ввиду такого неожиданного факта правительство решило игнорировать цифры новой переписи, за исключением мест, где они показывали прибыль населения (например, в Сибири); по всем остальным местностям решено было

взимать подати сообразно со старыми, фиктивными цифрами плательщиков. И при этом условии, однако, оказывалось, что платежи не покрывают расходов: первых было 3134 тыс., последних - 3834 тыс. руб. Около 200 тыс. могло быть покрыто из соляного дохода; остальные полмиллиона составляли постоянный дефицит. Во время рождественских съездов генералов Петра в 1709 и 1710 г. города России были окончательно распределены между 8 губернаторами; каждый в своей «губернии» собирал все подати и направлял их прежде всего на содержание армии, флота, артиллерии и дипломатии. Эти

«четыре места» поглощали весь констатированный доход государства; как будут покрывать губернии другие расходы, и прежде всего свои, местные - этот вопрос оставался открытым. Дефицит был устранен просто сокращением на соответственную сумму государственных расходов. Так как содержание армии было главной целью при введении губерний, то дальнейший шаг этого нового устройства состоял в том, что на каждую губернию возложено было содержание определенных полков. Для постоянных сношений с ними губернии назначили к полкам своих «комиссаров». Самым существенным недостатком такого устройства, введенного в действие с 1712 г., было то, что оно фактически упраздняло старые центральные учреждения, но не заменяло их никакими другими. Губернии непосредственно сносились с армией и с высшими военными учреждениями, но над ними не было никакого высшего присутственного места, которое бы могло контролировать и соглашать их функционирование. Потребность в таком центральном учреждении почувствовалась уже в 1711 г., когда Петр должен был покинуть Россию для прутского похода. «Для отлучек своих» Петр создал сенат. Губернии

должны были назначить в сенат своих комиссаров, «для спроса и принятия указов». Но все это не определяло с точностью взаимного отношения сената и губерний. Все попытки сената организовать над губерниями такой же контроль, какой над приказами имела учрежденная в 1701 г. «Ближняя канцелярия», кончились совершенной неудачей. Безответственность губернаторов являлась необходимым последствием

того, что правительство само постоянно нарушало установленные в

1710-1712 гг. порядки губернского хозяйства, брало у губернатора деньги не на те цели, на которые он должен был платить их по бюджету, свободно распоряжалось наличными губернскими суммами и требовало от губернаторов все новых и новых

«приборов», то есть увеличения дохода, хотя бы ценой угнетения населения. Основная причина всех этих нарушений заведенного порядка была та, что бюджет 1710 г. фиксировал цифры необходимых расходов, в действительности же они продолжали расти и не уместались более в рамках бюджета. Рост армии теперь, правда, несколько приостановился; зато быстро увеличивались расходы на балтийский флот, на постройки в новой столице (куда правительство в 1714 г. окончательно перенесло свою резиденцию), на оборону южной границы. Приходилось опять изыскивать новые, сверхбюджетные ресурсы. Назначать новые прямые налоги было почти бесполезно, так как и старые платились все хуже и хуже по мере обеднения населения. Перечеканка монеты, казенные монополии также не могли дать больше того, что уже дали. На смену губернской системе возникает сам собою вопрос о восстановлении центральных учреждений; хаос старых и новых налогов, «окладных», «повсегодных» и «запросных», вызывает необходимость консолидации прямой подати; безуспешное взыскание налогов по фиктивным цифрам 1678 г. приводит к вопросу о новой переписи и об изменении податной

единицы; наконец, злоупотребление системой казённых монополий выдвигает вопрос о пользе для государства свободной торговли и промышленности. Реформа вступает в свой третий, и последний, фазис: до 1710 г. она сводилась к накоплению случайных распоряжений, продиктованных потребностью минуты; в 1708-1712 гг. были сделаны попытки привести эти распоряжения в некоторую чисто внешнюю, механическую связь; теперь возникает сознательное, систематическое стремление воздвигнуть на теоретических основаниях вполне новую государственную постройку. Вопрос, в какой степени сам Пётр лично участвовал в реформах последнего периода, остаётся до сих пор ещё спорным. Архивное изучение истории Петра обнаружило в последнее время целую массу «доношений» и проектов, в которых обсуждалось почти все содержание правительственных мероприятий Петра. В этих докладах, представленных русскими и особенно иностранными советниками Петра добровольно или по прямому вызову правительства, положение дел в государстве и важнейшие меры, необходимые для его улучшения, рассмотрены очень обстоятельно, хотя и не всегда на основании достаточного

знакомства с условиями русской действительности. Пётр сам читал многие из этих проектов и брал из них все то, что прямо отвечало интересовавшим его в данную минуту вопросам - особенно вопросу об увеличении государственных доходов и о разработке природных богатств России. Для решения более сложных государственных задач, например, о торговой политике, финансовой и административной реформе, Пётр не обладал необходимой подготовкой; его участие ограничивалось здесь постановкой вопроса, большею частью на основании словесных советов кого-либо из окружающих, и выработкой окончательной редакции закона; вся промежуточная работа - собирание материалов, разработка их и проектирование соответствующих мер - возлагалась на более сведущих лиц. В частности, по отношению к торговой политике Пётр сам «не раз жаловался, что из всех государственных дел для него ничего нет труднее коммерции и что он никогда не мог составить себе ясного понятия об этом деле во всей его связи» (Фокеродт). Однако государственная необходимость заставила его изменить прежнее направление русской торговой политики - и важную роль при этом сыграли

советы знающих людей. Уже в 1711-1713 гг. правительству был представлен ряд проектов, в которых доказывалось, что монополизация торговли и промышленности в руках казны вредит, в конце концов, самому фиску и что единственный способ увеличить казённые доходы от торговли - восстановление свободы торгово-промышленной деятельности. Около 1715 г. содержание проектов становится шире; в обсуждении вопросов принимают участие иностранцы, словесно и письменно внушающие царю и правительству идеи европейского меркантилизма - о необходимости для страны выгодного торгового баланса и о способе достигнуть его систематическим покровительством национальной промышленности и торговле путём открытия фабрик и заводов, заключения торговых договоров и учреждения торговых консульств за границей.

Раз усвоив эту точку зрения, Пётр со своей обычной энергией проводит её во множестве отдельных распоряжений. Он создаёт новый торговый порт (Петербург) и насильственно переводит туда торговлю из старого (Архангельск), начинает строить первые искусственные водяные пути сообщения, чтобы связать Петербург с Центральной Россией, усиленно заботится о расширении активной торговли с Востоком (после того как на Западе его попытки в этом направлении оказались малоуспешными), даёт привилегии устроителям новых заводов, выписывает из-за границы мастеров, лучшие орудия, лучшие породы

скота и т. д. Менее внимательно он относится к идее финансовой реформы. Хотя и в этом отношении сама жизнь показывает неудовлетворительность действовавшей практики, а ряд представленных правительству проектов обсуждает разные возможные реформы, тем не менее Пётр интересуется здесь лишь вопросом о том, как разложить на население содержание новой, постоянной армии. Уже при учреждении губерний, ожидая после полтавской победы скорого мира, Пётр предполагал распределить полки между губерниями по образцу шведской системы. Эта мысль

снова всплывает в 1715 г.; Пётр приказывает сенату рассчитать, во что обойдётся содержание солдата и офицера, предоставляя самому сенату решить, должен ли быть покрыт этот расход с помощью подворного налога, как было раньше, или с помощью подушного, как советовали разные «доносители». Техническая сторона будущей податной реформы разрабатывается правительством Петра, а затем он со всей энергией настаивает на скорейшем окончании необходимой для реформы подушной переписи и на возможно скорой реализации нового налога. Действительно, подушная подать увеличивает цифру прямых налогов с 1,8 до 4,6 миллионов, составляя более половины бюджетного прихода (8,5 миллиона). Вопрос об административной реформе интересует Петра ещё меньше: здесь и сама мысль, и разработка её, и приведение в исполнение принадлежит советникам-иностранцам (особенно Генриху Фику), предложившим Петру восполнить недостаток центральных учреждений в России посредством введения шведских коллегий.

На вопрос, что преимущественно интересовало Петра в его реформационной деятельности, уже Фокеродт дал ответ весьма близкий к истине: «он особенно и со всей ревностью старался улучшить свои военные силы». Действительно, в своём письме к сыну Пётр подчёркивает мысль, что воинским делом «мы от тьмы к свету вышли, и (нас), которых не знали в свете, ныне почитают». «Войны, занимавшие Петра всю жизнь, - продолжает Фокеродт, - и заключаемые по поводу этих войн договоры с иностранными державами заставляли его обращать внимание также и на иностранные дела, хотя он полагался тут большею частью на своих министров и любимцев... Самым его любимым и приятным занятием было кораблестроение и другие дела, относящиеся к мореходству. Оно развлекало его каждый день, и ему должны были уступать даже самые важные государственные дела... О внутренних улучшениях в государстве - о судопроизводстве, хозяйстве, доходах и торговле - он мало или вовсе не заботился в первые тридцать лет своего царствования и бывал доволен, если только его адмиралтейство и войско

достаточным образом снабжались деньгами, дровами, рекрутами, матросами, провиантом и амуницией».

Тотчас после полтавской победы поднялся престиж России за границей. Из Полтавы Пётр идёт прямо на свидание с польским и прусским королями; в середине декабря

1709 г. он возвращается в Москву, но в середине февраля 1710 г. снова её покидает. Половину лета, до взятия Выборга, он проводит на взморье, остальную часть года - в Петербурге, занимаясь его обстройкой и брачными союзами племянницы Анны Иоанновны с герцогом Курляндским и сына Алексея с принцессой Вольфенбюттельской. 17 января

1711 г. Пётр выехал из Петербурга в прутский поход, затем прямо проехал в Карлсбад, для леченья водами, и в Торгау, для присутствия при браке царевича Алексея. В Петербург он вернулся лишь к новому году. В июне 1712 г. Пётр опять покидает Петербург почти на год; он едет к русским войскам в Померанию, в октябре лечится в Карлсбаде и Теплице, в ноябре, побывав в Дрездене и Берлине, возвращается к войскам в Мекленбург, в начале следующего 1713 г. посещает Гамбург и Рендсбург, проезжает в феврале через Ганновер и Вольфенбюттель в Берлин, для свидания с новым королём Фридрихом-Вильгельмом, потом возвращается в С.-Петербург. Через месяц он уже в Финляндском походе и, вернувшись в середине августа, продолжает до конца ноября предпринимать морские поездки. В середине января

1714 г. Пётр на месяц уезжает в Ревель и Ригу; 9 мая он опять отправляется к флоту, одерживает с ним победу при Гангуте и возвращается в Петербург 9 сентября. В 1715 г. с начала июля до конца августа Пётр находится с флотом на Балтийском море. В начале 1716 г. Пётр покидает Россию почти на два года; 24 января он уезжает в Данциг, на свадьбу племянницы Екатерины Ивановны с герцогом Мекленбургским; оттуда через Штеттин едет в Пирмонт для леченья; в июне отправляется в Росток к галерной эскадре, с которой в июле появляется у Копенгагена; в октябре Пётр едет в Мекленбург, оттуда в Гавельсберг, для свидания с прусским королём, в ноябре - в Гамбург, в декабре - в Амстердам, в конце марта следующего 1717 г. - во Францию. В июне мы видим его в Спа, на водах, в середине июля - в Амстердаме, в сентябре - в Берлине и Данциге; 10 октября он возвращается в Петербург. Следующие два месяца Пётр ведёт довольно регулярную жизнь, посвящая утро работам в адмиралтействе и разъезжая затем по

петербургским постройкам. 15 декабря он едет в Москву, дожидается там привоза сына Алексея из-за границы и 18 марта 1718 г. выезжает

обратно в Петербург. 30 июня хоронили, в присутствии Петра, Алексея Петровича; в первых числах июля Пётр выехал уже к флоту и после демонстрации у Аландских островов, где велись мирные переговоры, возвратился 3 сентября в Петербург, после чего ещё трижды ездил на взморье и раз в Шлиссельбург. В следующем 1719 г. Пётр выехал 19 января на Олонецкие воды, откуда вернулся 3 марта. 1 мая он вышел в море и в Петербург вернулся только 30 августа. В 1720 г. Пётр пробыл март месяц на Олонецких водах и на заводах; с 20 июля до 4 августа плавал к финляндским берегам. В 1721 г. он совершил поездку морем в Ригу и Ревель (11 марта - 19 июня). В сентябре и октябре Пётр праздновал Ништадтский мир в С. Петербурге, в декабре - в Москве. В 1722 г. 15 мая Пётр выехал из Москвы в Нижний Новгород, Казань и Астрахань; 18 июля он отправился из Астрахани в Персидский поход (до Дербента), из которого вернулся в Москву только 11 декабря. Возвратившись в С.-Петербург 3 марта 1723 г., Пётр уже 30 марта выехал на новую финляндскую границу; в мае и июне он занимался снаряжением флота и затем на месяц отправился в Ревель и Рогервик,

где строил новую гавань.

В 1724 г. Пётр сильно страдал от нездоровья, но оно не заставило его отказаться от привычек кочевой жизни, что и ускорило его кончину. В феврале он едет в третий раз на Олонецкие воды; в конце марта отправляется в Москву для коронования императрицы, оттуда совершает поездку на Миллеровы воды и 16 июня выезжает в С. Петербург; осенью ездит в Шлиссельбург, на Ладожский канал и Олонецкие заводы, затем в Новгород и в Старую Руссу для осмотра соляных заводов; только когда осенняя погода решительно мешает плавать по Ильменю, Пётр возвращается (27 октября) в С.-Петербург. 28 октября он едет с обеда у Ягужинского на пожар, случившийся на Васильевском острове; 29-го отправляется водой в Сестербек и, встретив по дороге севшую на мель шлюпку, по пояс в воде помогает снимать с неё солдат. Лихорадка и жар мешают ему ехать дальше; он ночует на месте и 2 ноября возвращается в С.-Петербург. 5-го он сам себя приглашает на свадьбу немецкого булочника, 16-го казнит Монса, 24-го празднует обручение дочери Анны с герцогом Голштинским. Увеселения возобновляются по поводу выбора нового князя-папы 3-го и 4 января 1725 г.

Суежливая жизнь идёт своим чередом до конца января, когда наконец приходится прибегнуть к врачам, которых Пётр до того времени не хотел

слушать. Но время оказывается пропущенным и болезнь - неизлечимой; 22 января воздвигают алтарь возле комнаты больного и причащают его, 26-го «для здоровья» его выпускают из тюрем колодников, а 28 января, в четверть шестого утра, Пётр умирает, не успев распорядиться судьбой государства.

Простой перечень всех передвижений Петра за последние 15 лет его жизни даёт уже прочувствовать, как распределялось время Петра и его внимание между занятиями разного рода. После флота, армии и иностранной политики наибольшую часть своей энергии и своих забот Пётр посвящал Петербургу. Петербург - личное дело Петра, осуществлённое им вопреки препятствиям природы и сопротивлению окружающих. С природой боролись и гибли в этой борьбе десятки тысяч русских рабочих, вызванных на пустынную, заселённую инородцами окраину; с сопротивлением окружающих справился сам Пётр приказами и угрозами. Суждения современников Петра об этой его затее можно прочесть у Фокеродта.

Мнения о реформе Петра чрезвычайно расходились уже при его жизни. Небольшая кучка ближайших сотрудников держалась мнения, которое впоследствии Ломоносов формулировал словами: «он Бог твой, Бог твой был, Россия». Народная масса, напротив, готова была согласиться с утверждением раскольников, что Пётр был антихрист. Те и другие исходили из того общего представления, что Пётр совершил радикальный переворот и создал новую Россию, не похожую на прежнюю. Новая армия, флот, сношения с Европой, наконец, европейская внешность и европейская техника - все это были факты, бросающиеся в глаза; их признавали все, расходясь лишь коренным образом в их оценке. То, что одни считали полезным, другие признавали вредным для русских интересов; что одни считали великой заслугой перед отечеством, в том другие видели измену родным преданиям; наконец, где одни видели необходимый шаг вперёд по пути прогресса, другие признавали простое отклонение, вызванное прихотью деспота. Оба взгляда могли приводить фактические доказательства в свою пользу, так как в реформе Петра перемешаны были оба элемента - и необходимости, и

случайности. Элемент случайности больше выступал наружу, пока изучение истории Петра ограничивалось внешней стороной реформы и личной деятельности преобразователя. Написанная по его указам история реформы должна была казаться исключительно личным делом Петра. Другие результаты должно было дать изучение той же реформы в связи с её прецедентами, а также в связи с условиями современной ей

действительности. Изучение прецедентов Петровской реформы показало, что во всех областях общественной и государственной жизни - в развитии учреждений и сословий, в развитии образования, в обстановке частного быта - задолго до Петра обнаруживаются те самые тенденции, которым даёт торжество Петровская реформа. Являясь, таким образом, подготовленной всем прошлым развитием России и составляя логический результат этого развития, реформа Петра, с другой стороны, и при нём ещё не находит достаточной почвы в русской действительности, а потому и после Петра во многом надолго остаётся формальной и видимой. Новое платье и «ассамблеи» не ведут к усвоению европейских общественных привычек и приличий; точно так же новые,

заимствованные из Швеции учреждения не опираются на соответственное экономическое и правовое развитие массы. Россия входит в число европейских держав, но на первый раз только для того, чтобы почти на полвека сделаться орудием в руках европейской политики. Из 42 цифирных провинциальных школ, открытых в 1716-1722 гг.

только 8 доживают до середины века; из 2000 намербованных, большею частью силой, учеников действительно выучиваются к 1727 году только 300 на всю Россию. Высшее образование, несмотря на проект «Академии», и низшее, несмотря на все приказания Петра, остаются надолго мечтой.

Для библиографии Петра Великого см. «Отечественные Записки», 1856, CIV: «Несколько редких и малоизвестных иноязычных сочинений, относящихся до Петра Великого и его века» (стр. 345-395); Minzloff, «Pierre le Grand dans la litterature etrangere» (СПб., 1873, стр. 691) и его же, «Supplement» (СПб., 1872, стр. 692-721); В. И. Межов, «Юбилей Петра Великого» (СПб., 1881, стр. 230); Е. Ф. Шмурло, «Пётр Великий в русской литературе» (СПб., 1889, стр. 136, оттиск из «Журн. Мин. Нар. Просв.»),

1889). Важнейшие источники и сочинения о Петре: «Журнал или подённая записка Петра Великого с 1698 г. до заключения Нейштатского мира» (СПб., 1770-1772 г.; составлено кабинет-секретарём Петра, Макаровым, многократно исправлено самим государем и издано историком Щербатовым); И. Кириллов, «Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привёл и оставил неизречёнными трудами Пётр Великий, отец отечества» М, 1831); Голиков, «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (М.,

1788-1789, 12 частей) и «Дополнения к деяниям Петра Великого» (М., 1790-1797, 18 частей); второе издание трудов Голикова, в котором

«Дополнения» перепечатаны после соответствующих годов «Деяний» и в конце прибавлен Указатель, издано в 15 томах (М., 1837-1843). Главным образом на материале Голикова основаны: «Жизнь Петра Великого», описанная Галеном (пер. с нем., СПб.,

1812-1813), и «История Петра Великого» В. Бергмана (пер. с нем., СПб., 1833; 2-е изд., 1840-1841); «Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом» (М., 1872; преимущественно выписки из бумаг дворцовых и др. приказов, а также кабинета);

«Письма и бумаги Петра Великого», капитальное издание, исчерпывающее материал

«писем» и помещающее в примечаниях массу данных (до сих пор вышло три части, СПб.,

1887-1893; доведено до 1705 года); «Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем сенате в царствование Петра Великого» (СПб., 1880-1892; обнимает

1711-1715 годы; драгоценный материал для истории административной и финансовой реформы, извлечённый из московского архива министерства юстиции); «Архив кн. Ф. В. Куракина» (села Надеждина), кн. 1-5 (СПб., 1890-1894). Описания архивов: сенатского (П. И. Баранова), синодского (первые пять томов), морского министерства. Полное Собрание Законов Российской Империи, т. II-VII, и Полное Собрание Постановлений и Распоряжений по Ведомству Православного Исповедания Российской Империи, первые четыре тома (с 1721 г.). Н. Устрялов, «История царствования Петра Великого» (СПб., 1859-1863; доведена до конца 1706 г.; отдельно изложено дело царевича Алексея); Соловьёв, «История России с древнейших времён», т. XIII-XVIII (III и IV в изд. «Обществ. Пользы»).

Энциклопедический словарь. Издание Брокгауза и Ефрона, Т. XXII Б, СПб., 1858